

Ф.Г. Жарский

Иван Денисович

Шухов Иван Денисович — центральный персонаж рассказа А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», уроженец глухой северной деревни Темгенево, где «ни у кого до войны радио не было». Заключенный № Ц-854 Особого каторжного лагеря. Ему сорок лет, а «уж зубов нет половины и на голове плешь». Зубы Шухова «прорежены цингой» в сорок третьем году, «когда он доходил... так... что кровавым поносом начисто его пронесило, истощенный желудок ничего принимать не хотел... Теперь только шепелявенье от того времени и осталось».

Шухов осужден на десять лет, но сомневается «пустят ли когда на... волю?», «не навесят ли еще десятки ни за так?» Отсидел Шухов уже «восемь полных». Сидеть ему еще «зиму-лето да зиму-лето». Товарищи его считают, что «Шухов срок кончает», но «сам он в это не больно верит. Вон, у кого в войну срок кончался, вспоминает Шухов, всех до особого распоряжения держали, до сорок шестого года. У кого и основного-то срока три года было, так пять лет пересидки получилось». По наблюдению Шухова, «конца срока в этом лагере ни у кого еще не было».

Осужден Шухов «за измену родине». Он признался в том, что «сдался в плен, желая изменить родине, а вернулся из плена потому, что выполнял задание немецкой разведки. Какое ж задание — ни Шухов сам не мог придумать, ни следователь. Так и оставили просто — задание. В контрразведке били Шухова много. И расчет был у Шухова простой: не подпишешь — бушлат деревянный, подпишешь — хоть поживешь еще малость. Подписал».

«А было вот как: в феврале сорок второго года, — объясняет автор, — на Северо-Западном окружили их армию всю». Окруженные «дошли до того, что строгали копыта с лошадей околевающих, размачивали... и ели. И стрелять было нечем. И так их помалу немцы по лесам ловили и брали». И Шухов с одной такой группой «в плену побыл пару дней». Там же, «в лесах, и убежали они впятером». Сумели пробраться к своим. «Были б умней — сказали б, что по лесам бродили, и ничего б им. А они открылись: мол, из плена немецкого. Из плена?? Мать вашу так! Фашистские агенты! И за решетку».

«...Я за что сел? — спрашивает Шухов в лагере в разговоре с товарищами, — за то, что в сорок первом к войне не подготовились, за это? А я при чем?»

Семь лет Шухов провел на севере в бытовом лагере, где он «на бревнотаске» работал и потом на лесоповале, где «закон такой был: бригада, не выполнившая дневного задания, остается на ночь в лесу».

Здесь, в Особом каторжном лагере, где сидят осужденные по 58 статье (политические), ему кажется «поспокойней». «Тут, — делится он с товарищами опытом, — выполнил, не выполнил — катись в зону. И гарантийка тут на сто грамм выше... Особый — и пусть он особый, номера тебе мешают, что ль?» В бытовом лагере в Усть-Ижме можно было писать домой «хоть каждый месяц». Здесь, в Особом, — только два письма в год. «Последнее отослал он в июле, а ответ на него получил в октябре».

Сюжет рассказа изложен главным образом не собственно прямой речью Шухова. Его словами, мыслями про себя оцениваются события и персонажи. В его речи много пословиц и поговорок, дающих народный взгляд на жизнь. («Запасливый лучше богато», «Кто два дела руками знает, тот еще десять подхватит», «Брюхо — злодей, старого добра не помнит», «Испыток не убыток», «Теплый зяблого не поймет», «За что не доплатишь, того не доносишь», «В январе солнышко коровке бок согрело» и др.)

Шухов труженик и умелец. Он хорошо шьет, сумел, например, быстро, в несколько секунд перед выводом бригады на работу зашить дырочку в матрасе, куда он спрятал полпайки хлеба («Стежь, стежь, стежь — вот и дырочку... прихватил... Пальцы Шухова славно шевелились, а голова, забегаая вперед, располагала, что дальше»).

В бригаде Шухов выполняет работу плотника и каменщика, причем до лагеря Шухов никогда каменщиком не был («В Темгенеке каменных домов не знали...»). «А в лагере понадобилось на каменщика — и Шухов пожалуйста, каменщик».

Может Шухов и жестянщиком работать. Именно ему поручает бригадир «трубу к печке ладить, чтоб скорей растопить». Это самое важное для бригады, ибо «если через два часа обогривалки себе не сделаем — пропадем тут все на хрен». И Шухов работает, без инструмента «по жестяному делу», только с «молоточком слесарным да топориком». «Похлопает Шухов рукавицами друг об друга, и составляет трубы, и оббивает в стыках. Опять похлопает и опять оббивает».

Умеет Шухов и ложки лить из алюминиевого провода, может сапожничать, может и портняжничать и подрабатывает этим при удобном случае («Тапочки сошьешь из тряпок давальца — два рубля, телогрейку вылатаешь тоже по уговору»). Надеяться Шухову, кроме как на себя, не на кого.

Поэтому так дорожит Иван Денисович всяким инструментом. Прячет на стройке в укромном месте свой личный удобный мастерок. «Увидел на снегу кусок стальной ножовки...», подобрал его, с риском пронес в барак и решает «затачивать ножовку в сапожный нож». «Дня за четыре, если и утром и вечером посидеть, славный можно будет ножичек сделать с кривеньким острым лезом».

У него уже есть складной маленький («если... палец в средней косточке согнуть, так меньше того ножичек... а режет, мерзавец, сало в пять пальцев толщиной. Сам Шухов тот ножичек сделал... и подтачивает сам». Иван Денисович удачно прячет его в щите своих нар.

Подрабатывает Шухов и услугами, например, очередь занимает в посылочной для того, кто посылки получает и т.п. Он и держится тем, что зарабатывает на дополнение к казенному питанию и на курево, но не опускается до попрошайничества и пользования обедками.

Вместе с тем он не всякий труд уважает. «Работа — она как палка, — рассуждает Иван Денисович, — конца в ней два: для людей делаешь — качество дай, для начальника делаешь — дай показуху». Когда заставили его мыть пол в надзирательской, даже присутствующие там надзиратели говорят Шухову: «Да на хрена его... мыть каждый день? Сырость не переводится. Ты... легонько протри, чтоб только мокровато было...»

Иван Денисович, охотно выполняя этот совет, «протер доски пола, чтобы пятен сухих не осталось, тряпку невыжатую бросил за печку... выплеснул воду на дорожку, где ходило начальство... и надал к столовой».

Шухов не приемлет заработков земляков, о которых известила его в письмах жена, — «ковры малюют» и за то «деньги гребут тысячами многими». Жена «надежду таит, что вернется Иван... и тоже таким красилем станет. И они тогда подымутся из нищеты, в какой она бьется, детей в техникум отдадут и вместо старой избы гнилой новую поставят. Все красили себе дома новые ставят...»

Иван Денисович написал жене о своих сомнениях: ведь он рисовать не умеет. Жена ответила, что умения не надо. Рисуют ковры через трафаретки: «наложи... и мажь кистью сквозь дырочки». «А ковры эти есть трех сортов: один ковер “Тройка” — в упряжи красивой тройка везет офицера гусарского, второй ковер — “Олень”, а третий — под персидский. И никаких больше рисунков нет, но и за эти по всей стране люди спасибо говорят и из рук хватают. Потому что настоящий ковер не пятьдесят рублей, а тысячи стоит».

«Из рассказов вольных шоферов... видит Шухов, что прямую дорогу людям загородили, но люди не теряются: в обход идут и тем живы. В обход бы и Шухов пробрался... Но, по душе, не хотел бы Иван Денисович за те ковры братья. Для них развязность нужна, нахальство, милиции на лапу совать. Шухов же сорок лет землю топчет... никому никогда не давал и не брал ни с кого, и в лагере не научился».

«Легкие деньги — они и не весят ничего, — рассуждает Иван Денисович, — и чутья такого нет, что вот, мол, ты заработал... <...> Руки у Шухова еще добрые, смогают, неуж он себе на воле верной работы не найдет?»

Шухов и в заключении не потерял порядочности, такта и деликатности. Он никогда ни у кого не просит ни оставить покурить, ни угостить едой. Своему соседу по нарам и собригаднику Цезарю, получившему продуктовую посылку, «он не сказал: “Ну, получили?” — потому что был бы намек, что он очередь занимал и теперь имеет право на долю. Он и так знал, что имеет. Но он не был шакал даже после восьми лет общих работ — и чем дальше, тем крепче утверждался».

Цезарь отдал Шухову за услугу свою пайку хлеба, и тот «сразу, как отрезавши, не стал больше ждать для себя ничего из разложенных Цезарем угощений...».

Иван Денисович понимает, как много надо раздать получившему из дому посылку: и надзирателю, и бригадиру, и каптеру, парикмахеру, «соседу, кто с тобой за одной тумбочкой питается... как же не дать?.. Пусть завидует, кому в чужих руках всегда редька толще, а Шухов понимает жизнь и на чужое добро брюха не распяливает».

Случается ему и воровать — лишнюю миску каши, например, обманом получить в столовой, рулон толя. Но это воровство не у своих товарищей, а у придурков — работников столовой, разжиревших за счет голодных эков. К тому же, «хоть закосил миски Шухов, а хозяин им — помбригадир», ему виднее кому отдать лишние. Одну помбригадир отдал Ивану Денисовичу, а другую кавторангу Буйновскому. И Шухов одобряет, что капитану отдали. «Придет пора, и капитан жить научится, а пока не умеет».

Описываемый в рассказе день начался для Ивана Денисовича неудачно. «В пять часов утра, как всегда, пробил подъем». Подъема он никогда не просыпал, «всегда вставал по нему» — до развода на работы оставалось «часа полтора времени своего, не казенного». Это время Шухов использовал, чтобы подработать: «шить кому-нибудь из старой подкладки чехол на рукавички; богатому бригаднику подать сухие валенки прямо на койку... подмести или поднести что-нибудь; или идти в столовую собирать миски со столов и сносить их горками в посудомойку — тоже накормят...»

Но в это утро он чувствовал себя больным. «...Не попробовать ли в санчасти коснуться, от работы на денек освободиться?..»

Иван Денисович немного задержался на нарах, за что и был наказан надзирателем тремя сутками карцера. Надзиратель повел Шухов в комендатуру, но по дороге Иван Денисович смекнул: «Никакого карцера ему не было, а просто пол в надзирательской не мыт». Действительно, надзиратель объявил, «что прощает Шухова, и велел ему вымыть пол».

В столовой Ивану Денисовичу оставили его завтрак — баланду из «тленной мелкой рыбешки» и «листья черной капусты». Ест он, сняв «шапку с бритой головы — как ни холодно, но не мог он себя допустить есть в шапке». «Одна радость в баланде бывает, что горяча, но Шухову досталась теперь совсем холодная». Но ест он все же «медленно, вдумчиво. Уж тут хоть крыша гори — спешить не надо. Не считая сна, лагерник живет для себя только утром десять минут за завтраком, да за обедом пять, да пять за ужином».

«На второе была каша из магары. Она застыла в один слиток... Магара не то что холодная — она и горячая ни вкуса, ни сытости не оставляет: трава и трава... каша не каша, а идет за кашу». После завтрака Шухов побежал в санчасть. По дороге он старается не попасть на глаза какому-либо надзирателю. «Может, он человека ищет на работу»

послать, может, зло отвести не на ком». К тому же «перед надзирателем за пять шагов снимать шапку» надо. «Нет уж за углом перестойм».

В санчасти Ивану Денисовичу не повезло, фельдшеру «право... было дано освободить утром только двух человек — и двух он уже освободил». На всякий случай фельдшер дал Шухову термометр. Сидя в теплой и чистой санчасти, Иван Денисович «вспомнил медсанбат на реке Ловать, как он пришел туда с поврежденной челюстью и — недотыка ж хренова — доброй волею в строй вернулся. А мог пяток дней полежать».

Теперь Шухов мечтает: «Заболет бы недельки на две, на три... чтобы в больницу положили, — лежал бы, кажется, три недели, не шевельнулся, а уж кормят бульоном пустым — лады».

Температура у Ивана Денисовича оказалась «ни то ни се, тридцать семь и две». Надежды на освобождение от работы не оправдались. Побежал он в барак и успел до развода не съеденную за завтраком пайку хлеба, в которой должно быть пятьсот пятьдесят грамм («грамм двадцать не дотягивает», — решил Шухов, взвесив пайку на руке), переломить надвое и одну половину за пазуху сунул под телогрейку, другую в матрасе спрятал.

До команды на выход «Шухов доспел валенки обуть на две портянки, бушлат надеть сверх телогрейки и туго подпоясаться веревочкой». На улице был мороз в 27 градусов и ветер холодный дул. «...Этой минуты горше нет — на развод идти утром. В темноте, в мороз, с брюхом голодным, на целый день. Язык отнимается. Говорить друг с другом не захочешь».

Пока бригада ждала своей очереди на обязательный обыск и вывод из лагеря, Иван Денисович обновил у тут же работающих лагерных художников свой потершийся номер на телогрейке, чтобы надзиратели не придрались. Увидев своего однобригадника Цезаря курящим сигарету, он понял, что «подстрельнуть можно». «Но Шухов не стал, — замечает автор, — прямо просить, а остановился совсем рядом с Цезарем и вполоборота глядел мимо него». У Ивана Денисовича совсем не осталось своего табаку и не надеялся он до вечера его раздобыть. «Желанней ему сейчас был этот хвостик сигареты, чем, кажется, воля сама», но он себя не роняет и так, как оказавшийся рядом шакал Фетюков, в рот Цезаря не смотрит.

Цезарь отдал сигарету Ивану Денисовичу. «Шухов встрепенулся... одной рукой поспешно брал недокурок, а вторую страховал снизу, чтобы не обронить... И пальцы закаленные не обжигались, держась за самый огонь... Он... тянул дым, пока губы стали гореть от огня... Дым разошелся по голодному телу, и в ногах отдалось и в голове».

После обыска на морозе колонну заключенных вывели под конвоем из лагеря и повели на работу. «Конвоиры обняли колонну, автоматы вскинули, прямо в морду тебе держат. И собаководы с собаками серыми... Конвоиры все в полушубках...»

«Мороз... при... ветерке крепко покусывал даже ко всему притерпевшееся лицо Шухова», и он специально сшитой тряпочкой «с двумя рубезочками длинными... обхватил лицо по самые глаза... И так у него спереди одни глаза остались. Бушлат по поясу он хорошо затянул бечевкой». Вот только рукавицы у Ивана Денисовича «худые и руки уже застылые. Он тер и хлопал ими, зная, что сейчас придется взять их за спину и так держать всю дорогу».

Шагая в колонне, Шухов беспокоится, «не нащупают ли пайку в матрасе? В санчасти освободят ли вечером?..» «Из-за того, что без пайки завтракал и что холодное все съел, Иван Денисович чувствовал себя сегодня несатытым. И чтобы брюхо не занывало, есть не просило, перестал он думать о лагере, стал думать, как письмо будет скоро домой писать...»

Стал Шухов думать о доме, о том, что пишет жена о жизни в деревне, которую ему после долгого отсутствия трудно понять. Хотя бы то, что «с войны самой ни одна живая душа в колхоз не добавилась: парни все и девки все, кто как ухитрится, но уходят

повально или в город на завод, или на торфоразработки. Мужиков с войны половина вовсе не вернулась, а какие вернулись — колхоза не признают: живут дома, работают на стороне... Тянут же колхоз те бабы, каких еще с тридцатого года загнали, а как они свалятся — и колхоз сдохнет».

Колонна тем временем дошла и остановилась перед вахтой зоны объекта. Иван Денисович чувствует себя по-прежнему больным («Поясницу и спину всю до плечей тянет, ломает — как работать?»).

Пока дают бригадирам разнарядку на работу, для заключенных наступает короткое время отдыха («Вот этот-то наш миг и есть»). «Пока начальство разберется — приткнись, где потеплей, сядь, сиди, еще наломаешь спину. Хорошо, если около печки, — портянки переобернуть... А и без печки — все одно хорошо».

«Задом ватных брюк, везде уже пересидевших, Иван Денисович пристроился на край деревянной формы, а спиной в стенку уперся». Вспомнил он о половинке хлебной пайки под бушлатом и телогрейкой, «засосало его сейчас эту пайку съесть... А что в спине поламывало — теперь в ноги перешло, ноги такие слабые стали». Достал Шухов хлеб «в белой тряпице и, держа ее в запазушке, чтобы ни крошка мимо той тряпицы не упала, стал помалу-помалу откусывать и жевать...»

Вспоминал при этом, как раньше ели в деревне: «картошку — целыми сковородами, кашу — чугунками, а еще раньше, по-без-колхозов, мясо — ломтями здоровыми. Да молоко дули — пусть брюхо лопнет».

Теперь Иван Денисович жалеет о том, как не ценили тогда пищу. А «есть надо — чтоб думка была на одной еде, вот как сейчас эти кусочки малые откусываешь, и языком их мнешь, и щеками подсасываешь — такой тебе духовитый этот хлеб черный сырой». Такой способ еды и позволяет человеку выдерживать каторгу. «Что Шухов ест восемь лет, девятый? Ничего. А ворочает? Хо-го!»

«Доел Шухов пайку свою до самых рук, — пишет Солженицын, — однако голой корочки кусок — полукруглой верхней корочки — оставил. Потому что никакой ложкой так дочиستا каши не выешь из миски, как хлебом. Корочку эту он обратно в тряпицу белую завернул на обед... пусть теперь на работу шлют. А лучше б и еще помедлили».

Бригаду назначили на ТЭЦ, «недостроенную и... осенью брошенную». Бригадир Тюрин каждому дал задание. Ш. и латышу Кильдигсу — «первым в бригаде мастерам» — назначил после обеда «шлакоблоками на втором этаже стены класть», а сейчас утеплить машинный зал, где будет растворная и обогревалка, три больших окна в нем «в первую очередь чем-нибудь забить».

Для выполнения задания Иван Денисович с Кильдигсом украли на стройке рулон толя и с риском принесли в растворную. Увидев толь, «обрадовался бригадир и... постановку затеял: Шухову — трубу к печке ладить, чтоб скорее растопить...»

Собригадника Гопчика Шухов послал искать проволоку — подвесить трубу. Скоро Гопчик принес «проволоки новой — той, что провода электрики тянут. Докладывает: “Иван Денисыч! На ложки хорошая проволока. Меня научите ложку отлить?” Этого Гопчика, плута, любит Иван Денисыч (собственный его сын помер маленьким, дома дочки две взрослых). Посадили Гопчика за то, что бендеровцам в лес молоко носил. Срок дали как взрослому...»

Подготовительные работы бригада до обеда закончила, все «сели к печке законно», с разрешения помбригадира отдыхать. «Все равно до обеда уж кладки не начинать, а раствор разводить некстати, замерзнет».

На обед повели бригаду на «производственную кухню — халабуду... из тесу сколоченную...» Помбригадир Павло с Шухов и Гопчиком вперед пошли. Иван Денисович миски пустые со столов собирает, да полные от Павло принимает и на столы носит. Шухову удалось обмануть повара и получить на бригаду двумя порциями больше. Одну миску помбригадир отдал Шухову, а вторую капитану Буйновскому.

«Каша сегодня хороша, лучшая каша — овсянка. Не часто она бывает... Сколища Шухов смолоду овса лошадям скормил — никогда не думал, что будет всей душой изнывать по горсточке этого овса».

Занеся в контору кашу собригаднику Цезарю, который там работал в тепле и не опускался до обеда в столовой, Иван Денисович возвращается на место работы и находит на снегу кусок стальной ножовки, который подобрал и сунул в карман брюк («нужды своей наперед не знаешь»).

Придя на стройку, узнал Иван Денисович о том, что бригадир в конторе «процентовку хорошо закрыл». «Хорошо закрыл» — понимают зэки, — значит теперь пять дней пайки хорошие будут». Наступила хорошая минута в бригаде. «У кого есть — покуривают втихомолку. Сгрудились во теми и на огонь смотрят. Как семья большая... Слушают, как бригадир у печки... рассказывает» об истории своей раскулаченной семьи, как скрывался он в армии, был разоблачен и выгнан, как скитался.

После обеда начинается хорошо организованный, слаженный труд. «И не видел больше Шухов ни взора дальнего... ни как по зоне разбредались из обогревалок работяги... Шухов видел только стену свою... ретиво рубил» на ней лед то обухом, то лезвием... «Работу эту он правил лихо, но вовсе не думая. А думка его и глаза его вычуивали из-под льда саму стену... обвыкал... как со своей. Вот тут — провалина, ее выровнять... ряда за три. Вот тут наружу стена пузом выдалась — это спрямить ряда за два...».

«А уж по трапу и раствор несут... Раствор парует на морозе, дымится... Мастерком его на стену шлепнув да зазеваешься — он и прихвачен. И бить его тогда... не собьешь. А и шлакоблок положишь чуть не так — и уж примерз, перекособоченный... Но Шухов не ошибается. Шлакоблоки не все один в один. Какой с отбитым углом, с помятым ребром или с приливом — сразу Шухов это видит, и видит, какой стороной этот шлакоблок лечь хочет, и видит то место на стене, которое этого шлакоблока ждет... <...> Пошла работа... Подносчикам мигнул Шухов — раствор... под руку перетаскивайте, живо! Такая пошла работа — недосуг носу утереть...»

Тут приходит проверять работу строительный десятник Дэр, заключенный, москвич (говорят, в министерстве работал). Слышит Шухов как кричит Дэр бригадиру: «...Это уголовное дело. Тюрин! Третий срок получишь!». Понял Иван Денисович в чем дело. Это Дэр краденый толь увидел на окнах. «За себя Шухов ничуть не боится, бригадир его не продаст. Боится за бригадира... За такие дела второй срок на севере бригадиру вполне паяли».

Но бригадир сумел дать Дэру отпор. Он «наклонился к Дэру и тихо так совсем», но «явственно» произнес: «Прошло ваше время, заразы, срока давать. Ес-сли ты слово скажешь, кровосос, — день последний живешь, запомни!». Тем конфликт и исчерпывается. «Пошел себе Дэр по полю, съезжился».

Рабочий день заканчивается, а люди работают — «разогнались — лучше не надо». Пятый ряд шлакоблоков начали, надо его кончить. Вот уже «об рельс звонят» — сигнал прекратить работу. А ящик раствора новый «только заделан». «Теперь — класть, выхода нет: если ящика не выбрать, завтра весь тот ящик к свиньям разбивай, раствор окаменеет...». «...Так устроен Шухов по-дурацкому и никак его отучить не могут: всякую вещь и труд всякий жалеет он, чтоб зря не гинули».

Бригада спешно докладывает ряд. Другие бригады уже «инструменты отнесли», к вахте «повалил народ». «Опамятовался и бригадир, сам видит, что припозднился. Уже инструментальщик, наверно, его в десять матов обкладывает». Велел оставшийся раствор отнести в яму и снегом присыпать, «чтоб не видно». Иван Денисович велел нести мастерки в инструменталку, а остаток он своим мастерком, когда-то «зажиленным» ...доложит, он нечитанный, «сдавать не надо».

Хорошая работа всем улучшила настроение. «Смеется бригадир: “Ну как тебя на свободу отпускать? Без тебя ж тюрьма плакать будет!” Смеется и Шухов. Кладет».

Дальше опасно задерживаться. И Шухов говорит Тюрину: «Иди, бригадир! Иди, ты там нужней! — (Зовёт Шухов его Андрей Прокофьевичем, но сейчас работой своей он с бригадиром сравнялся. Не то чтоб думал так: “Вот я сравнялся”, а просто чувствует, что так) И шутит вслед бригадиру...: Что, гадство, день рабочий такой короткий?»

Закончив ряд, побежали Шухов с Сенькой Клевшиным догонять бригаду, «запалились, как собаки бешеные». Прибежали, задержав колонну, но бригадир отвел беду, объяснившись с конвоем, «на себя вину взял». В колонне Иван Денисович оказался рядом с Буйновским. Ему «весело, что все сошло гладко, кавторанга под бок бьет и закидывает: “Слышь, кавторанг, а как по науке вашей — старый месяц куда потом девается?”» В разговоре выясняется, что, по мнению Ивана Денисовича, «каждый месяц луна новая», а «старый месяц Бог на звезды крошит» — «Звезды-те от времени падают, пополнять нужно».

«...Ты... в Бога веришь, Шухов?» — спрашивает капитан. «А то? — удивился Шухов. — Как громыхнет — пойдешь не поверь!»

При выходе из зоны строительства колонна ещё задержалась — не хватало одного человека. Оказалось, он заснул в зоне работы. Пока нашли, полчаса прошло. Наконец пошли. «Стал Шухов напоминать — чего это он с утра в зоне не доделал? И вспомнил — санчасть! Вот диво-то, совсем про санчасть забыл за работой... Теперь вроде и не ломает... Перемогся без докторов...»

Перед вахтой в жилую зону Иван Денисович предлагает Цезарю занять ему очередь в посылочную. Он знает, что пора посылке придти Цезарю. При этом он думает: «Не Цезарь, так, может, кто другой придет, кому место продать в очереди». Перед тем как ввести эков в жилую зону, надзиратели начинают очередной шмон. Шухов безбоязненно к нему подготовился — расстегнул бушлат. «И хотя ничего он за собой запрещенного не помнил сегодня, но настороженность восьми лет сидки вошла в привычку. И он сунул руку в брючный наколенный карман — проверить, что там пусто...». Но там оказалась обломанная ножовка, подобранная им в рабочей зоне. «Он не собирался ее проносить, но теперь, когда уже донес, — бросать было жалко край!». Но «за ножовку... могли дать десять суток карцера». С другой стороны «сапожный ножичек», в который можно отточить ножовку — это дополнительный заработок, хлеб! «Бросать было жалко... И Шухов сунул ее в ватную рукавицу».

Шмон завершился благополучно, хотя стоил больших волнений. Войдя с колонной в жилую зону, «Шухов бросился... в посылочную», занял очередь. «Человек пятнадцать впереди». Наблюдать получение посылок — тяжкое душевное испытание для Ивана Денисовича. Сам он жене написал: «...Не шли, не отрывай от ребятишек... Знал он, чего те передачи стоят, и знал, что десять лет их с семьей не потянешь... Но хоть так он решил, а всякий раз, когда в бригаде кто-нибудь или в бараке близко получал посылку... щемило его, что не ему посылка... Он почему-то ждал иногда, что прибегут и скажут: Шухов! Да что ж ты не идешь? Тебе посылка». «И вспомнить деревню Темгенево и избу родную еще меньше и меньше было ему поводов... — замечает писатель. — Здешняя жизнь трепала его от подъема и до отбоя, не оставляя праздных воспоминаний».

Стоя в очереди, Иван Денисович узнал неприятную новость: воскресенья опять не будет на этой неделе — опять выходной отобрали. «Так он и ждал, а услышал — повело всю душу, перекивило...»

Вскоре пришел к нему в очередь Цезарь. «Растолковал ему Шухов, кто за кем». За это Цезарь отдал Ивану Денисовичу свой ужин. Побежал Шухов в столовую к своей бригаде, получил свои пайки и две миски похлебки. «Начал он есть. Сперва жижицу одну прямо пил, пил. Как горячее пошло, разлилось по его телу — аж нутро его все трепыхается навстречу баланде... Вот он, миг короткий, для которого и живет эк. Сейчас ни на что Шухов не в обиде: ни что срок долгий, ни что день долгий, ни что воскресенья опять не будет. Сейчас он думает: переживем! Переживем все, даст Бог кончиться!»

После ужина Иван Денисович купил у знакомого латыша два стакана табака и бегом в барак, «чтобы Цезаря не пропустить, как тот с посылкой вернется». От Цезаря Шухов получил хлеба двести грамм, помог ему к тому же спасти посылку во время первой и второй вечерних проверок, когда ее могли легко украсть, за это еще получил «два печенья, два кусочка сахара и один круглый ломтик колбасы». Хотя, помогая в этот раз Цезарю, «не заработать еще... хотел, а пожалел от души...»

Лагерный день Ивана Денисовича заканчивается лучше, чем начинался. В хорошем настроении он забрался на свои верхние нары. Постель Шухова — матрас, набитый опилками, подушка «стружчатая». «На простыне Шухов не спал, должно, с сорок первого года, как из дому...» Ноги он сует в телогрейку, укрывается «одеяльцем черноватеньким», «сверх одеяла — бушлат». И все же это лучшее время в лагерной жизни Шухова. «Слава тебе, Господи, еще один день прошел! Спасибо, что не в карцере спать, здесь-то еще можно».

Перед сном Иван Денисович поговорил с баптистом Алешкой, упрекнувшим Шухова за то, что он не молится. «Молитвы... как заявления, или не доходят, или «в жалобе отказать» — отвечает Иван Денисович. «...В Бога я охотно верю, — говорит Шухов. — Только вот не верю я в рай и в ад...» (В лагере, по замечанию Солженицына, крестятся перед едой только бендеровцы — западные украинцы — и то новички; «старые бендеровцы, в лагере пожив, от креста отстали. А русские — и какой рукой креститься, забыли»). «Сколько ни молись, а сроку не скинут. Так от звонка до звонка и досидишь».

«А об этом и молиться не надо! — ужаснулся Алешка. — Что тебе воля? На воле твоя последняя вера терниями заглохнет! Ты радуйся, что ты в тюрьме! Здесь тебе есть время о душе подумать!...»

«Шухов... уж сам... не знал, хотел он воли или нет. Поначалу-то очень хотел и каждый вечер считал, сколько дней от срока прошло, сколько осталось. А потом надоело». Оказалось, что «домой таких не пускают, гонят в ссылку. И где ему будет житуха лучше... неведомо».

Одно печенье, полученное от Цезаря, Иван Денисович отдал Алешке. «Улыбится Алешка.— «Спасибо! У вас самих нет» — «Е-ешь! У нас нет, так мы всегда заработаем. А сам колбасы кусочек — в рот! Зубами ее! Зубами! Дух мясной! И сок мясной, настоящий. Туда в живот пошел».

«Засыпал Шухов, — подводит писатель итог его лагерного дня, — вполне удовлетворенный. На дню у него выдалось... много удач». И главные из них: стену он клал весело и «не заболел, перемогся».

«Таких дней в его сроке от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три. Из-за високосных годов, — уточняет Солженицын, — три дня лишних набавлялось».